Встретившись глазами друг с другом, ему уже было невозможно делать вид, что он ничего не замечает, потому Чэнь Чан Шэн слегка кивнул головой в знак приветствия. Под кедровым деревом, старший ученик Пика Святой Девы легко кивнула в ответ, хотя это движение было минимальным, его было достаточно для приличия, что побудило других учеников вернуть приветствия Чэнь Чан Шэну.

Одинокая девчушка, чье лицо до сих пор передавало остатки детства, осталась неподвижной, сохраняя холодное выражение и холодный взгляд к Чэнь Чан Шэну. Предыдущая старшая ученица, которая, вероятно, была старше ее, прошептала несколько слов девушке, но потом, она взорвалась в раздражении, утверждая: «Выйдет ли старший товарищ Ю Жун за этого человека? Очевидно, что нет, так почему я должна приветствовать его?»

Услышав это, другие ученицы были в растерянности, как они должны ответить? Старшая ученица была также сбита с толку, и попыталась урезонить ее, но ее слова падали на глухие уши, и девушка повернулась к Чэнь Чан Шэну с холодной ухмылкой, говоря: «Маленькая жаба хочет пообедать Фениксом? Такой тип бредового дурака не кто-то, на кого мы должны обращать внимание, Старший товарищ тоже должна игнорировать его».

Ее слова были намеренно громкими и ясными, чтобы группа Чэнь Чан Шэна услышала их. Первоначально, Чэнь Чан Шэн предположил, что она была просто маленькой девочкой и не заботилась о своих словах, но после произнесения ее последних слов, у него не было выбора, кроме как остановиться, Танг Тридцать Шесть отказывался продолжать путь вперед.

У девочки был очень молодой вид лица, и соответствующий возраст, но кто бы мог предположить, что она будет настолько черствой со своими словами? Ее голос разносился на достаточное расстояние. Тринадцать Отделений Зеленого Света напротив были ограничены в своих реакциях, но студенты Академии Жрецов и Академии Дворца Ли, которые были расположены дальше, наоборот, все взорвались громким смехом.

Божественный проспект Дворца Ли был длинным, прямым путем, и Танг Тридцать Шесть уже выдерживал взгляды множества студентов и насмешки студентов Академии Жрецов достаточно долгое время, но услышав жестокие слова этой девушки и последовавший смех, он уже достиг своего предела.

Услышав смех с обеих сторон божественного проспекта, девочка осмелела еще больше, увлеченная в ее поддержке со стороны. Она повернулась к Чэнь Чан Шэну, сделала звук возмущения, а затем повернулась к своему старшему товарищу: «Слышишь это? Даже люди Чжоу согласны со мной».

Ранее утро во Дворце Ли всегда было очень тихим, из-за чего звуки смеха разносились по всему дворцу чрезвычайно ясно и громко.

Причиной, почему студенты Академии Жрецов и Академии Дворца Ли имели такую сильную реакцию на бездушные слова девочки, была фраза: «маленькая жаба хочет пообедать Фениксом», что на текущий момент было самой большой шуткой в городе, имея в виду помолвку Чэнь Чан Шэна и Сюй Ю Жун.

Никто не смел подходить к входу Ортодоксальной Академии, чтобы сказать эти слова, и, таким образом, не могли сказать эти слова в лицо Чэнь Чан Шэна, так что после слов, сказанных этой девочкой сегодня, студенты, которые наслаждались разжиганием инцидентов, не могли упустить этот шанс без раздувания пламени.

«Я полагаю... Такая фраза должна быть официально записана, чтобы она могла стать притчей

для людей этого континента».

Раздался голос из группы Академии Жрецов, и было неясно, был ли это тот же человек, что и ранее, но, тем не менее, он вызвал еще один взрыв смеха.

Чэнь Чан Шэн перевел взгляд в сторону девушки под кедровым деревом, видя ее детское лицо, он оценил, что ей было около 12 лет, возраст, не слишком отличающийся от Ло Ло, заставив его чувствовать себя нерешительным.

Старшая ученица Пика Святой Девы выразила извинения к нему.

Девочка безразлично встретила взгляд Чэнь Чан Шэна и ответила холодным смехом: «Что? Я сказала что-то, что является ложью?»

Чэнь Чан Шэн тихо задумался на мгновение, затем ответил: «Твои слова верные».

Девочка презрительно взглянула на него: «Тогда в чем я неправа? Каким образом ты достоин старшего товарища Ю Жун?»

«Она действительно может быть Фениксом», -

сказал Чэнь Чан Шэн.

«Но я определенно не жаба.

Он также хотел выразить, что жаба не была заинтересована в Фениксе, но был прерван девочкой, которая насмешливо сказала: «О, так значит ты не жаба, потому что говоришь так? Тогда над кем же они все смеялись?»

«Я не знаю, над кем они смеялись».

Чэнь Чан Шэн вдруг перевел взгляд в более глубокие области кедровых деревьев, утверждая: «Но я знаю кого-то, кто не будет согласен с идеей того, что я жаба».

Неизвестно для всех, двери в гостевом доме были открыты, и изнутри появились Гоу Хань Ши и три младших ученика из Секты Меча Горы Ли, они пересекли лес и пришли к божественному проспекту.

Гоу Хань Ши удалось услышать предыдущие слова девочки и он понял аллюзии за ними, его выражение трудно было прочесть. Он покачал головой и сказал: «Ты определенно не жаба. Если бы был жабой, то кем тогда буду я?»

Смех внезапно затих, оставив след молчания.

На Фестивале Плюща Ортодоксальная Академия одержала победу над Сектой Меча Горы Ли, и все присутствующие здесь знали о ключевой фигуре позади этой победы.

Хотя нельзя сказать, что Чэнь Чан Шэн был сильнее, чем Гоу Хань Ши, он был, несомненно, способен противостоять ему.

Если он был жабой, то кем тогда был Гоу Хань Ши? Что насчет Семи Правлений Небес?

Смех над Чэнь Чан Шэном тогда не отличался от насмешек над Сектой Меча Горы Ли?

Впоследствии, никто не смел вновь поднимать свой голос, не говоря уже про смех, и девочка с Пика Святой Девы растерялась, глядя на Гоу Хань Ши, и хотела открыть рот, чтобы объясниться, но не смогла произнести ни слова.

Среди группы Академии Дворца Ли, Су Мо Юй смотрел со стороны, слегка нахмурив брови, он не понимал, почему Гоу Хань Ши появился, чтобы защитить Чэнь Чан Шэна?

Причина этого была причастна только к Чэнь Чан Шэну и Гоу Хань Ши, помимо необходимости выразить великодушие Секты Меча Горы Ли, внимание также должно было быть к Цю Шань Цзюню. Чэнь Чан Шэн и Сюй Ю Жун были обручены, но всё, что мог делать Цю Шань Цзюнь, это наблюдать с расстояния, потому этому события нельзя было позволить стать слишком крупным издевательством.

Красивая тишина окутала окружение.

Чэнь Чан Шэн и Гоу Хань Ши обменяли формальными приветствиями друг к другу.

Впоследствии, никто не обращал внимания на девочку Пика Святой Девы, включая ее старших товарищей, но тишина в окружении заставить ее проявлять беспокойство, оскорбление старшего товарища из Секты Долголетия было немыслимой ситуацией для нее, что увеличило ее беспокойство. Почти заливаясь слезами, она сказала: «Я... Я не это имела ввиду, но... этот человек даже не может культивировать, разве он не мусор?»

После этих слов, атмосфера вновь стала тяжелой.

Гуань Фэй Бай поднял брови, находя действия девочки неприятными, пятое правление, Лян Бань Ху, покачал головой, даже Ци Цзянь, который только заботился о культивации Пути и мало заботился о мирских делах, подумал, что ее действия пересекли линию, он перевел взгляд в сторону Гоу Хань Ши, надеясь, что старший товарищ справится с этим делом.

У Гоу Хань Ши было мрачное выражение, но он не стал ничего делать. Хотя ученики Южных школ все обращались друг к другу в приветствии младшим и старшим, как будто они были из одной школы, они все еще были независимы друг от друга. Как второй ученик Секты Долголетия, он не имел права вмешиваться в дела Пика Святой Девы.

Хотя был кто-то, кого не волновало это.

«Мне довольно любопытно, почему ты чувствуешь такое отвращение к Чэнь Чан Шэну... Хотя надо признать, он весьма раздражающий временами», - Танг Тридцать Шесть вдруг встрял в разговор.

Девочка только продолжала смотреть на Чэнь Чан Шэна, игнорируя вопрос.

Танг Тридцать Шесть продолжил: «Неважно, насколько одаренной ты можешь быть, ты определенно не будешь соперничать с Фениксом, потому, отложив твой характер, ты еще слишком молода, чтобы быть ученицей Института Нань Си, так что ты должна быть учеником, связанным с Пиком Святой Девы? Я думаю... Ученица Храма Цы Цзянь?»

Услышав, что он упоминает ее характер, девушка почувствовала унижение, и хотела опровергнуть, спросив, что не так с ее характером? Но услышав последние несколько слов, она была ошеломлена, у Пика Святой Девы было около десятка школ и сект, как он смог угадать, что она пришла из Храма Цы Цзянь?

«Это верно, меня зовут Е Сяо Лянь, младший ученик Храма Цы Цзянь, и в следующем году, достигнув подходящего возраста, я поступлю в Институт Нань Си, что насчет этого?»

Она уставилась на Танга Тридцать Шесть своим маленьким лицом, не заботясь о том, чтоб умерить свой внешний вид гордости и охраняемой бдительности.

Танг Тридцать Шесть заметил: «Храм Цы Цзянь, он ведь достаточно близко к Горе Ли?»

Гуань Фэй Бай опешил от этих слов, думая, что этот человек не был с Юга, но почему он так много знал об этом регионе?

«Секта Долголетия состоит из нескольких горных хребтов, и Ли Шань - самый высокий из них, располагаясь у Храма Цы Цзянь. Я могу предположить, что ты часто видела Цю Шань Цзюня?»

Танг Тридцать Шесть продолжил, не давая ей шанса ответить: «Такой человек, как Цю Шань Цзюнь, нетрудно представить, что кто-то влюбился в него после встречи с ним так много раз. Ты так молода, но твое сердце уже украли, вот почему ты ненавидишь Чэнь Чан Шэна? Ну, факт в том, что в этом случае, Чэнь Чан Шэн одолел его».

«Ерунда!» - девчушка возразила с суровым выражением.

Гоу Хань Ши также не смог продолжать слушать, качая головой, и сказал: «Это нелепо».

Е Сяо Лянь с ярко-красным лицом ответила в порицающей манере: «Моя ненависть не имеет ничего общего с старшим товарище, я просто злюсь, что Ю Жун будет осквернена».

«Не надо врать, у некоторых девочек может быть заботливая личность, но у тебя? Думаю, что нет, скорее, мысль о твоем старшем товарище, Ю Жун, и том, что она выйдет замуж за жабу, вероятно, достаточно обрадует тебя, что ты будешь спать улыбаясь».

Е Сяо Лянь была ошеломлена: «Я не посмела бы думать об этом».

Она была, несомненно, всего лишь 12-летней девочкой, ее выражение перед глазами других уже было достаточным подтверждением ее мыслей, что заставило других учениц Пика Святой Девы нахмуриться.

Танг Тридцать Шесть не показывал никаких эмоций на лице во время своей гипотезы, что добавляло к серьезности его речи и повышало ее эффект: «Только, Цю Шань Цзюнь все еще твой идол, и он проиграл в соперничестве за девушку Чэнь Чан Шэну, если бы я был тобой, я бы тоже был раздражен».

Услышав это, Чэнь Чан Шэн покачал головой, думая, что он зашел слишком далеко.

Выражения Гоу Хань Ши и его группы тоже стали довольно мрачными.

«Он и рядом не стоял с Старшим товарищем».

Голос Е Сяо Лянь становился все более рассерженным, и, прибивая Танга Тридцать Шесть своими глазами, она продолжила: «Я просто не понимаю, почему старший товарищ Ю Жун написала письмо, письмо, которое ставит этот мусор на тот же уровень, что и старшего товарища Ци Шань, не думает ли она, что в этом нет ничего больше, кроме как оскорбления старшего товарища?»

«О, так это не Чэнь Чан Шэн, к кому ты чувствуешь отвращение, а скорее... твой старший

товарищ Ю Жун.

Танг Тридцать Шесть не симулировал выражение внезапного просветления, это не было его целью, и спокойно продолжил: «Тогда можешь ли ты по-прежнему отрицать, что тебе нравится Цю Шань Цзюнь?»

Тишина окутала божественный проспект, и взгляды окружающих к девочке стали довольно сложными.

Е Сяо Лянь была взволнована, прежде чем постепенно пришла к осознанию того, что ее внутренние мысли были прочитаны, ее лицо стало ярко-красными, уголки ее глаз стали влажными, давая впечатление надвигающихся слез, она, очевидно, была сильно встревожена.

«Не надо расстраиваться, с такой личностью, как Цю Шань Цзюнь, полностью естественно влюбиться в него».

«Потому что ты понимаешь, что ты не достойна права владеть Цю Шань Цзюнем... На самом деле, в течение последних двух лет среди мира людей все задавали этот вопрос. Казалось, что только Цю Шань Цзюнь имеет право любить Сюй Ю Жун, и только Сюй Ю Жун имеет право любить Цю Шань Цзюня. Поэтому смех над Чэнь Чан Шэн - это правильно, а текущие взгляды тех, кто судит тебя, - нет».

Танг Тридцать Шесть повернулся к толпу, спокойно заявив: «На самом деле, вы не в заблуждении, любить кого-то - это не грех, те, кто неправ, это эти люди, какое право у вас на отрицание любви? Лишь потому, что никто из вас не осмеливается любить, потому другие тоже не имеют этого права? Нелепость».

«Потому, вы не должны питать ненависть к Чэнь Чан Шэну, а наоборот, должны сопереживать кому-то, кто находится в той же ситуации, что и вы».

Е Сяо Лянь подняла голову, вытирая слезы, и увидев недружелюбные взгляды, направленные на нее, она наконец-то поняла его слова.

Окружение было покрыто молчанием, ибо, несмотря на то, что Танг Тридцать Шесть был слишком прям со своими словами, они прозвенели правдой.

Лишь Чэнь Чан Шэн думал по-другому, ведь, ему не нравилась Сюй Ю Жун, хотя он явно не собирался разъяснять это перед всеми. Сюй Ю Жун помогла ему в ночь Фестиваля Плюща своим письмом, потому он не собирался усложнять дела для неё без необходимости.

Ранний утренний ветерок прошел мимо деревьев, рассеивая утренний свет, с медленным ростом температуры, осенний воздух начал несколько закаляться.

Собравшиеся студенты посмотрели на Танга Тридцать Шесть с размышлениями в своих сердцах, думая, что он соответствовал своему статусу из авторитетной семьи, имея нежное и спокойное чувство достоинства. Будучи в состоянии успокоить девочку из Пика Святой Девы таким простым способом, в свою очередь, это вновь обновило интенсивность пылких взглядов студенток Тринадцати Отделений Зеленого Света.

Таким образом, все подумали, что этот инцидент пришел к концу, счастливому и полному завершению...

Танг Тридцать Шесть обернулся, и вновь обратил свой взор к Е Сяо Лянь.

«Но... Если честно... Ты не такая же, как Чэнь Чан Шэн».

«У него есть помолвка с Сюй Ю Жун, а не просто «она ему нравится», даже если они будут держаться за руки и побегут смотреть на закат, никто не сможет сказать что-нибудь. Но между тобой и Цю Шань Цзюнем не существует и щепки отношений, не говоря уже о том, что весь континент знает о том, что его сердце тяготеет к Сюй Ю Жун. Лишь из-за симпатии к Цю Шань Цзюню ты пришла оскорбить Чэнь Чан Шэна? Где причина в этом?

«Если он - мусор... То не будешь ли ты... маленькой потаскушкой?»

Его слова были произнесены так спокойно, как и всегда, и последние слова были отчетливо произнесены, чтобы никто не ошибся в том, что было сказано.

Вся сцена разразилось в общем протесте!

Е Сяо Лянь испустила единственный крик и закрыло лицо, побежав обратно в лес и рыдая.

Ученицы Пика Святой Девы окинули его несколькими жесткими взглядами, затем повернулись и ушли. Студенты Тринадцати Отделений Зеленого Света, которые ранее смотрели на него с лестью, тоже изменились в выражении. Кто бы мог подумать, что предыдущий обмен, эти трогательные слова, были просто подготовкой к этим последним словам!

Цзинь Юй Лу и Сюань Юань По, которые слушали на стороне всё это время, подтвердили, что люди на самом деле хитрые и бессовестные, недостойные доверия. После этого инцидента Сюань Юань По бессознательно находился ближе к Чэнь Чан Шэну, не желая оставаться слишком близко к Тангу Тридцать Шесть, Цзинь Юй Лу вздохнул и сказал: «Ты настоящий мусор здесь».

Чэнь Чан Шэн не знал, что и сказать, и повернулся попрощаться с Гоу Хань Ши. Хотя слова Танга Тридцать Шесть были черствыми и низкими, они не касались Секты Долголетия, потому Гоу Хань Ши лишь покачал своей головой и вернул жест, прежде чем забрать своих юниоров и вернуться к свои жилища.

Хотя никто не одобрял действия девочки из Пика Святой Девы, она было всего лишь девочкой 12 лет, вид того, как она убежала в слезах, был достаточным, чтобы привлечь жалость от многих молодых студентов. Они чувствовали, что она была обижена, и там, где несправедливость, будет единственно правильным выступить против этого.

«Человек, который только знает, как обижать ребенка словами».

Из группы студентов Академии Дворца Ли, Су Мо Юй молчал. По правде говоря, он чувствовал себя весьма разочарованным. Ранее он слышал разговоры о возрождении Ортодоксальной Академии, но после того, что он увидел сегодня...

Чэнь Чан Шэн, который боялся, что Танг Тридцать Шесть задержит их еще больше, позвал их: «Пойдемте».

Танг Тридцать Шесть посмотрел на группу студентов и быстро сказал: «После того, как мы закончим, я вернусь, если у вас есть мужество, то оставайтесь тут».

Студенты вновь были разъярены, это был Дворец Ли, расположение их школ. Это не просто Ортодоксальная Академия, что он мог обидеть маленькую девочку и продолжать показывать такое высокомерие, это просто было приглашение для них, чтобы избить его до полусмерти.

В этот момент в более глубоких частях комплекса послышался чистый звук колокола, и в этом звуке был малейший намек на предостережение.

http://tl.rulate.ru/book/1222/37559